

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ ПРАВОВОЙ ПРИРОДЫ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРИНЦИПОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ

Е. А. Титова

Воронежский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации

FEATURES OF THE MODERN LEGAL NATURE OF THE CONSTITUTIONAL PRINCIPLES OF PUBLIC SERVICE

E. A. Titova

Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Аннотация: рассматриваются конституционные принципы государственной службы, анализируются правовые позиции высших судов относительно таких законодательных установлений и их применения в регулировании государственно-служебных отношений. Сделан вывод о необходимости закрепления системы принципов российской государственной службы в посвященной данному правовому институту отдельной главе Конституции Российской Федерации.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации, принципы, государственная служба, государственный служащий.

Abstract: constitutional principles of public service are considered, the legal positions of the highest courts regarding such legislative provisions and their application in regulating public service relations are analyzed. The conclusion was made about the need to consolidate a system of principles of the Russian public service in the separate chapter of the Constitution of the Russian Federation dedicated to this legal institution.

Key words: Constitution of the Russian Federation, principles, public service, public official.

Государственная служба как институт, созданный и функционирующий для реализации публичного интереса, интереса государства, обнаруживает свою уникальность в организационной необходимости гармоничного сочетания публично-правовых и частно-правовых начал. Правильный ответ на вопрос о соотношении государственных начал и интересов людей, осуществляющих свою профессиональную деятельность в системе государственной службы, кроется в создании баланса таких ожиданий, находящихся в правовой плоскости.

Принципы называют метатеоретическим основанием права, определяющим пути совершенствования юридических норм, выступающим в качестве руководящих идей для законодателя и правоприменителя. Они являются связующим звеном между основными закономерностями развития, функционирования обще-

ства и правовой системой. Небезосновательно замечено, что благодаря принципам данная система адаптируется к важнейшим интересам и потребностям человека и общества, становится совместимой с ними. Динамичный характер управленческой ситуации в стране и развитие парадигмы инновационного управления предопределяют необходимость глубокой концептуальной разработки содержания действующих и новых правовых принципов, качественно структурирующих государственно-служебные отношения¹. Таким принципам отведена ключевая роль в механизме правового регулирования государственной службы. Они – одна из базовых составляющих, отправная точка по-

¹ См.: Шкатулла В. И., Маркин Н. С., Надвикова В. В. Комментарий к Федеральному закону от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации»: постатейный / под ред. В. И. Шкатуллы. 5-е изд., перераб. и доп. М., 2023. С. 117–118, 127.

рядка организации и функционирования соответствующей системы. Ввиду публично-частной природы государственно-служебных принципов каждый из них необходимо рассматривать как многостороннюю юридическую конструкцию. В каждом следует выделить направленность действия, адресованную правовой нормой самому государству как нанимателю, его представителю в лице руководителя государственного служащего, самому служащему, а также внешним по отношению к системе государственной службы субъектам права – гражданам, юридическим и должностным лицам, взаимодействующим с данным правовым институтом.

Динамичный характер системы и структуры исполнительных органов государственной власти предопределен постоянным появлением новых целей и задач государства, успешное достижение и решение которых является многофакторным процессом, в котором можно обнаружить тесную взаимосвязь доктринальных положений и практического применения нормативных правовых установлений. Реформирование законодательного «фундамента» государственной службы должно брать свое начало с разработки и детального закрепления ее принципов на уровне Конституции РФ. Единственным государственно-служебным принципом, имеющим прямое закрепление в Основном законе, сейчас является установление, согласно которому граждане РФ имеют равный доступ к государственной службе. Еще в начале 2000-х отмечалось, что одна из причин существующих сложностей во взаимодействии самого государства, государственной службы, институтов гражданского общества и отдельных граждан кроется в отсутствии действенного механизма системного использования принципов государственной службы².

Рассматривая особенности юридической природы общих принципов права, немецкий исследователь Ф. Регельсбергер констатировал существование таковых, выходящих за пределы официально закрепленных в законодательстве, по сути фактических принципов, естественно складывающихся в системе правового регулирования в силу своей целесообразности для регулирования определенных обществен-

ных отношений. На примере одного из принципов римского права, *ius singulare*, ученый объяснял наличие в законодательстве исключений из общих принципов права («право, противное принципу», нарушающее последовательное применение какого-либо юридического принципа и основанное не на правовой идее, а на соображениях целесообразности). Определяя их значение, Ф. Регельсбергер указывал, что, овладев принципами, догматика права с помощью логических заключений открывает новые юридические правила, достигает упрощения юридического материала и делает возможным надежное господство над ним. Вместе с тем исследователь заметил, что за принцип часто ошибочно может приниматься простое правило³. В этой связи целесообразно размышлять над признаками принципов государственной службы, иными словами над теми характерными чертами, которые позволяют отличить их от иных правовых норм. Во-первых, они представляют собой руководящие установления, идеи, на которых базируется организация и функционирование государственной службы в ее понимании как целостной системы. Во-вторых, они отражают наиболее характерные черты, особенности той категории, определяющими началами которой выступают – содержание принципов системы государственной службы всегда обнаруживало тесную корреляцию с понятием самой государственной службы, ее правовой сущностью и предназначением в различные периоды истории государства. В-третьих, нормативные государственно-служебные принципы позволяют субъектам служебного права осуществлять эффективную защиту своих прав, свобод и законных интересов как в административном, так и в судебном порядке.

Особое внимание общества к институту государственной службы обуславливает осязаемую уязвимость государственных служащих для критики их профессиональной деятельности. Общественное предубеждение, некая «пропасть» между государственной службой, которая, функционируя в публичных интересах, призвана обеспечивать интересы населения, и самим обществом, наконец, самоощущение государственных служащих, которые убеждены (в некоторых случаях обоснованно) в недостаточной ценности своего труда в глазах общества и пред-

² См.: Привалова С. В. Концепции и принципы государственной службы новой России // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4: Государство и право : реферативный журнал. 2000. № 1. С. 86.

³ См.: Регельсбергер Ф. Общее учение о праве / пер. И. А. Базанова ; под ред. Ю. С. Гамбарова. М., 1897. С. 84, 116.

ставителя нанимателя, несоразмерности прилагаемых усилий и стремлений уровню материального обеспечения – это лишь «вершина айсберга» идейно-ценностного кризиса института государственной службы. Профессор Ю. Н. Стариков справедливо обращает внимание на существующие столетиями негативные стереотипы общественного отношения к чиновничеству и необходимость разумного ограничения его критических оценок, совершаемыми служащими и должностными лицами с нарушением законов действиями, бесполезными для практики решениями, бюрократизмом и отсутствием значимых и ожидаемых результатов управленческого труда⁴. Систему государственно-служебных принципов надлежит рассматривать в двустороннем аспекте: ее разработка должна базироваться на грамотном сочетании публичного и частного интересов. Иными словами, предлагаемые новеллы государственно-служебного законодательства должны принести осязаемую практическую пользу государству, самим государственным служащим и обществу в целом.

В юридической науке сложился неоднозначный подход к тому, что именно считать принципами права – только те положения, которые прямо закреплены в положениях законодательства и поименованы в качестве таковых, или же данное понятие существенно шире и может включать в себя доктринальные взгляды, идеи. Иными словами, этот вопрос восходит к продолжительной дискуссии о том, что является более важным – дух или буква закона, и подлежат ли его нормы расширительному толкованию. Ученые-цивилисты выражают мнения, смысл которых заключен в необходимости рассмотрения в качестве правовых принципов исключительно имеющих прямую нормативно-правовую регламентацию в тексте законодательства руководящих начал, основополагающих идей, обращенных к правоприменителю и другим лицам; а ключевой признак принципа права – это его идентификация в качестве такового самим законодателем путем отражения в Конституции РФ, законах и подзаконных актах⁵.

⁴ См.: Стариков Ю. Н. Служебное право России : уже реальность или пока научная гипотеза? // Правовая наука и реформа юридического образования. 2013. № 3 (26). С. 107.

⁵ См., например: Демичев А. А. Позитивистская классификация принципов современного российского права // Государство и право. 2014. № 5. С. 5–13.

Представляет интерес точка зрения исследователей о наличии двух разновидностей правовых принципов – непосредственно закрепленных в законодательстве и других, не имеющих объективированного выражения в его нормах, но существующих в правосознании⁶. Ученые – представители науки уголовного процесса, концептуально анализирующие такую категорию, используют мировоззренческий подход в объяснении содержания категории «принцип» применимо к уголовному судопроизводству. Ее формирование и существование связывают прежде всего с господствующим в определенный исторический период мировоззрением, государственной идеологией, на основе которых и формируются принципы, находящие свое отражение в правосознании индивида. Понятие принципа формулируется как «мировоззренческая идея наиболее высокой степени общности относительно сущего и должного в уголовном судопроизводстве»⁷. То есть можно говорить о реальных и идеальных принципах, которые для надлежащей эффективности их реализации необходимо приводить в наибольшее соответствие между собой. Вместе с тем необходимо помнить о том, что «все идеалы, как известно, имеют ту особенность, что они далеки от осуществления, они как маяки указывают нам надлежащую дорогу, но сами пока недостижимы»⁸. Сложность их претворения в жизнь кроется в постоянном развитии института государственной службы, перманентной динамике его потребностей и тесно коррелирует с ответом на вопрос о том, какая государственная служба сегодня нужна государству, обществу и самим государственным служащим.

С нашей точки зрения, системе государственной службы необходимо большее единство ее принципов, так как существенная дифференциация отраслевых установлений «размывает» данную категорию, превращая правовые ориентиры профессиональной деятельности и пове-

⁶ См., например: Коновалов А. В. Принципы права в доктринах и законодательстве континентальной правовой семьи // Журнал российского права. 2018. № 8. С. 16–18.

⁷ Поляков М. П. Принцип как мировоззренческая идея относительно сущего и должного : новый подход к постижению концептуальной сущности понятия принципов отечественного уголовного процесса // Юридическая техника. 2020. № 14. С. 496.

⁸ Новицкий И. Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права // Вестник гражданского права. 1916. № 6. С. 62.

дения служащих в не совсем понятную для них же самих громоздкую конструкцию. Достижение такого единства кроется в закреплении системы конституционных принципов государственной службы в посвященной ей отдельной главе, необходимость введения которой не вызывает сомнений ввиду чрезвычайной важности и значимости института государственной службы, приводящего в движение весь государственный механизм.

Вместе с тем действующая Конституция РФ⁹ уже содержит отдельные важные государственно-служебные принципы, при внимательном ознакомлении с ее текстом и надлежащем последующем толковании «прорисовывающиеся» между строк. Современная действительность правовой природы таких принципов позволяет рассуждать еще над одной их гранью – как объективно существующих установлений, которые тесно взаимосвязаны с нормативно закрепленными идеями и могут быть сформулированы на их основе. Профессор Ю. Н. Стариков указывает, что конституционные принципы государственной службы обусловлены положениями Основного закона, конкретизируемыми в нормах соответствующего законодательства¹⁰.

Значимой точкой развития ключевых представлений о российской государственной службе является указание на законность как существенный принцип отраслей административного, служебного права и любой государственно-управленческой деятельности. Принципы государственной службы – политико-юридический феномен, «барометр» изменений государственного строя и политического курса, отражение важнейших характеристик ее правовой модели. Процесс их формирования органично связан со становлением идейно-политических и правовых основ российской государственности, развитием идеи надлежащего, добросовестного публичного управления. Законность является одним из основных принципов любой деятельности человека в правовом поле. В

данной статье исследована именно та ее грань, которая относится к основополагающим принципам государственной службы. В размышлениях над многоаспектностью ее содержания важно прийти к самому обычному и одновременно простому пониманию такой категории в общеюридическом смысле, которое в научной литературе характеризуется как надлежащее соблюдение субъектами правоотношений (государственными органами, организациями, гражданами) норм действующих законов (всего законодательства). В качестве обязательных и выразительных характеристик процедуры соблюдения и исполнения законности необходимо рассматривать строгость (обязательность), неуклонность (прямоту) и точность. Данная категория определяется как юридическое состояние правоотношений, режим реализации которых соответствует сложившемуся в современном правовом государстве стандарту надлежащего исполнения и соблюдения их участниками норм права, а также целям и задачам общего, отраслевого и процессуального правового регулирования, включая в содержание такого установления принципы верности государственных служащих государству при исполнении служебных обязанностей, доверия служащим со стороны государства и граждан, соответствия применяемых в практике государственной службы средств, способов и методов задачам и целям управления¹¹. Одним из важнейших аспектов реализации принципа законности в системе государственной службы выступает необходимость усиления гарантий его надлежащего воплощения, в том числе путем изменения подхода к распределению ответственности между получившим незаконное распоряжение руководителя служащим и руководителем, отдавшим такое распоряжение, с возложением бремени доказывания его законности на последнего ввиду обладания более широким объемом полномочий, включая применение дисциплинарных взысканий в отношении подчиненного ему по службе лица. Нормативные правовые акты, регулирующие общественные отношения в сфере государственной службы, содержат определенный алгоритм действий служащего при получении приказа руководителя, не соответствующего действующему законодательству.

¹¹ См.: Шершеневич Г. Ф. О чувстве законности : публичная лекция, читанная 10 марта 1897 г. / введ. замеч. Ю. Н. Старикова. Воронеж, 2018. С. 5–6.

⁹ Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. URL: pravo.gov.ru

¹⁰ См.: Стариков Ю. Н. Принципы государственной службы : переход от «политизирования» к закону // Правовая наука и реформа юридического образования : сб. науч. трудов. Вып. 4: Право и политика : современные проблемы соотношения и развития. Воронеж, 1996. С. 84–99.

Так, Дисциплинарный устав органов внутренних дел РФ¹² закрепляет требования соответствия приказа руководителя (начальника) – его служебного требования, обращенного к подчиненным по службе сотрудникам, об обязательном выполнении определенных действий, о соблюдении правил или об установлении порядка, положения – федеральным законам и приказам вышестоящих руководителей (начальников). При получении приказа, явно противоречащего закону, сотрудник обязан руководствоваться законом. О неисполнении (невозможности исполнения ввиду противоречия нормам действующего законодательства) незаконного приказа он обязан уведомить отдавшего таковой руководителя в письменной форме.

Применимо к военной службе Верховный Суд РФ разъяснил¹³, что незаконным приказом начальника следует считать в частности приказ, направленный на совершение преступления или нарушение законодательства РФ либо не имеющий отношения к исполнению служебных обязанностей при условии осознания этих обстоятельств подчиненным. Неисполнение *соответствующего* закону приказа влечет ответственность военнослужащего вплоть до уголовной – ст. 332 Уголовного кодекса РФ¹⁴ (материальный состав) предусматривает наказания за такие действия (бездействие), причинившие существенный вред интересам службы (который может выражаться, например, в подрыве авторитета командира (начальника) в глазах вверенного ему коллектива, срыве выполнения учебно-боевых задач, *нарушении конституционных прав и свобод личности*), повлекшие тяжкие последствия (снижение боевой готовности воинской части, невыполнение боевой задачи (дезорганизация вверенных командиру (начальнику) сил), вывод из строя критически важных объектов инфраструктуры). Кроме того, неис-

полнение приказа вследствие *небрежного либо недобросовестного отношения к службе*, повлекшее указанные выше последствия, также влечет уголовную ответственность военнослужащего. В соответствии с официальным разъяснением Пленума Верховного Суда РФ в качестве небрежного или недобросовестного отношения к службе при квалификации состава преступления, предусмотренного ст. 332 УК РФ, судам необходимо рассматривать такое поведение лица, при котором оно не выполняет приказ вследствие забывчивости, недостаточного или неточного уяснения содержания приказа, проявленной невнимательности в отношении времени, места и способа исполнения приказа, в результате чего приказ оказывается либо невыполненным, либо выполненным ненадлежащим образом.

Закрепленный в ст. 2 Конституции РФ и конкретизируемый в нормах законодательства о государственной службе принцип приоритета прав и свобод человека и гражданина – еще одно основополагающее установление государственной службы, содержащее гарантии реализации ключевых прав граждан, поступающих на государственную службу, и государственных служащих. Если в ст. 4 Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации»¹⁵ (далее – Закон о государственной гражданской службе) его формулировка остается неизменной, то, например, ст. 4 Федерального закона от 23 мая 2016 г. № 141-ФЗ «О службе в федеральной противопожарной службе Государственной противопожарной службы и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹⁶ закрепляет более распространенное положение: «приоритет прав и свобод человека и гражданина, их непосредственное действие, обязательность их признания, соблюдения и защиты». С хронологической точки зрения данный принцип охватывает время поступления гражданина на государственную службу, ее прохождения и период после увольнения с нее. То есть в соприкосновении в любом из правовых статусов (как гражданин либо как государственный служащий) с институтом государственной службы проводится в жизнь такая гарантия, закрепленная на уровне Основного закона. Принцип приоритета прав и свобод чело-

¹² О Дисциплинарном уставе органов внутренних дел Российской Федерации : указ Президента РФ от 14 октября 2023 г. № 1377 (в ред. от 22.12.2021 № 721) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 43. Ст. 5808 ; 2021. № 52 (ч. I). Ст. 9121.

¹³ О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18 мая 2023 г. № 11 // Рос. газета. 2023. № 120.

¹⁴ Уголовный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 04.08.2023 № 413-ФЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954 ; 2023. № 32 (ч. I). Ст. 6145.

¹⁵ Рос. газета. 2004. № 162 ; 2023. № 168.

¹⁶ Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 22. Ст. 3089 ; 2023. № 29. Ст. 5304.

века и гражданина должен неукоснительно соблюдаться и во взаимодействии государственных служащих с гражданами, их объединениями и организациями – со всеми субъектами права, образующими «внешний круг» реализации государственно-служебных правоотношений, направленных на внешнеорганизационную по отношению к институту государственной службы профессиональную деятельность, прежде всего на предоставление государственных услуг, порядок которого сегодня регулируется многочисленными регламентами вопреки надлежаше обоснованной точке зрения о целесообразности принятия закона об административных актах и административных процедурах¹⁷.

При поступлении на государственную службу и ее прохождении получает свою реализацию конституционный принцип государственной службы, закрепленный в главе 2 в числе основных прав и свобод человека и гражданина, – равный доступ к государственной службе. Всеобщая декларация прав человека¹⁸ и Международный пакт о гражданских и политических правах также содержат положение, согласно которому каждый человек имеет право равного доступа к государственной службе в своей стране. Данное установление законодатель конкретизирует в отраслевом законодательстве, правильному его пониманию правоприменителем также способствуют действующие и формируемые позиции высших судов РФ в ходе осуществления правосудия по делам, отнесенных законодателем к их компетенции, а также межгосударственных органов при рассмотрении и разрешении дел, связанных с защитой прав человека и его основных свобод.

Так, в Законе о государственной гражданской службе *равный доступ* к ней законодатель связывает с требованием владения соискателем соответствующей должности государственным языком Российской Федерации. Как само-

стоятельная правовая конструкция обозначены *равные условия ее прохождения* вне зависимости от гендерной, расовой, национальной, религиозной принадлежности, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, убеждений, принадлежности к общественным объединениям и других обстоятельств, *не связанных с профессиональными качествами гражданского служащего*. Следовательно, формула данного принципа в приведенном законе содержит указание на необходимое базовое условие поступления на гражданскую службу – владение русским языком и факторы, не имеющие юридического значения при отборе кандидатов. Примечательно, что их перечень остается открытым – не подлежат учету *любые* обстоятельства, не связанные с профессиональными качествами претендента на должность.

Комитет ООН по правам человека обратил внимание на то, что право допуска к государственной службе на общих условиях равенства включает в себя право на защиту от произвольного увольнения с государственной службы¹⁹. В этой связи уместно рассмотреть правовую позицию Конституционного Суда РФ, выраженную им в постановлении от 8 ноября 2023 г. № 51-П²⁰. В отношении гражданки Б., являвшейся сотрудником полиции, было возбуждено уголовное дело по признакам состава преступления, предусмотренного п. «а» ч. 5 ст. 290 Уголовного кодекса РФ (получение взятки). В результате проведения служебной проверки было установлено, что Б. по предварительному сговору с одним из коллег К. вступила во внеслужебные отношения с гражданином Ч. с целью оказания последнему общего покровительства в преступной деятельности путем отмены проведения в его отношении оперативно-розыскных мероприятий и бездействия в форме отсутствия процессуальных действий по привлечению Ч. к уголов-

¹⁷ См.: *Стариков Ю. Н.* Административные процедуры – неотъемлемая часть законодательства о государственном и муниципальном управлении : проблемы теории, практики и законотворчества // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Право. 2019. № 4. С. 8–27 ; *Его же.* Консерватизм правовой политики как гарантия прогресса в сфере административных и иных публичных правоотношений // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Право. 2023. № 1. С. 7–32.

¹⁸ Всеобщая декларация прав человека : принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г. // Рос. газета. 1995. № 67.

¹⁹ См.: Обзор практики межгосударственных органов по защите прав и основных свобод человека № 5 (2020 г.) : подг. Верховным Судом РФ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (документ опубликован не был).

²⁰ По делу о проверке конституционности пункта 9 части 3 статьи 82 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с жалобой гражданки Я. Ю. Бычковой : постановление Конституционного Суда РФ от 8 ноября 2023 г. № 51-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2023. № 47. Ст. 8494.

ной ответственности. Совершение проступка, порочащего честь сотрудника органов внутренних дел, выразилось в получении Б. и К. от Ч. денежных средств по мотиву личной заинтересованности в определенном результате рассмотрения его дела. В заключении по результатам проведения служебной проверки было указано, что такие действия сотрудника полиции вызывают сомнения в его справедливости, объективности и беспристрастности, наносят ущерб авторитету органа государственной власти, нарушают нормы законодательства о недопустимости злоупотребления государственным служащим своими полномочиями, о необходимости соблюдения ограничений и запретов, связанных со службой в органах внутренних дел, и требований к служебному поведению. Отмечено, что как при осуществлении служебной деятельности, так и во внеслужебное время сотрудник органов внутренних дел должен заботиться о сохранении профессиональных чести и достоинства, не допускать принятия решений по мотивам личной заинтересованности, не совершать при исполнении служебных обязанностей поступки, вызывающие сомнения в его объективности, справедливости и беспристрастности, наносящие ущерб его репутации, авторитету МВД России, а также государственной власти в целом. Б. была уволена из органов внутренних дел в соответствии с п. 9 ч. 3 ст. 82 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»²¹ (далее – Федеральный закон № 342-ФЗ) (в связи с совершением проступка, порочащего честь сотрудника органов внутренних дел) сразу же после вынесения уполномоченным должностным лицом постановления о возбуждении уголовного дела.

Чрезвычайно важную роль в таком аспекте играет разграничение признаков состава преступления и порочащего поступка, являющегося безусловным основанием увольнения со службы в органах внутренних дел, которые могут в сущности совпадать. Рассмотрев уголовное дело, суд первой инстанции вынес обвинительный приговор, который впоследствии был отменен вышестоящим судом в результате апелляционного обжалования в связи с отсутствием

в действиях Б. состава преступления, т. е. по реабилитирующим основаниям. После этого она обратилась в суд с исковым заявлением, содержащим требование о восстановлении на службе, которое было удовлетворено. Однако определением суда апелляционной инстанции данное решение было отменено с указанием на то обстоятельство, что истица была уволена не в связи с совершением преступления, а по причине совершения проступка, умаляющего авторитет сотрудника органов внутренних дел и несовместимого с требованиями, предъявляемыми законодательством к таким сотрудникам. Более того, судом апелляционной инстанции было отмечено, что факт непривлечения сотрудника полиции к уголовной ответственности и прекращения в отношении него уголовного преследования не является безусловным основанием для его восстановления на службе в органах внутренних дел. Конституционный суд РФ, рассматривая жалобу Б. на предмет конституционности положений п. 9 ч. 3 ст. 82 Федерального закона № 342-ФЗ, отметил, что прекращение служебных отношений по данному основанию обусловлено повышенными репутационными требованиями к сотрудникам органов внутренних дел как носителям публичной власти, возложенной на них обязанностью по применению в необходимых случаях мер государственного принуждения и ответственностью, с которой связано осуществление ими своих полномочий. Обязательность увольнения со службы в органах внутренних дел сотрудника, по своим профессиональным качествам не отвечающего таким требованиям, предопределяется необходимостью комплектования кадрового состава правоохранительных органов лицами, обладающими высокими морально-нравственными качествами и способными надлежащим образом выполнять принятые на себя профессиональные обязательства. Вступление в силу обвинительного приговора суда в отношении сотрудника является самостоятельным безусловным основанием увольнения со службы в органах внутренних дел, что исключает его увольнение в связи с совершением порочащего поступка. Если заключение по результатам служебной проверки базируется на данных, идентичных использовавшимся для установления наличия в действиях лица состава преступления при возбуждении против него уголовного дела, впоследствии прекращенного по реабилитирующим основаниям, – соб-

²¹ Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 49 (ч. I). Ст. 7020 ; 2023. № 32 (ч. I). Ст. 6168.

ственно факт принятия такого процессуального решения не является безусловным основанием для восстановления сотрудника на службе в органах внутренних дел. Отсутствие в его деянии признаков состава преступления не свидетельствует о том, что сотрудник не совершал деяния, содержащего признаки порочащего поступка. Таким образом, в целях соблюдения конституционного принципа равного доступа граждан к государственной службе при вынесении оправдательного приговора, не затрагивающего вопрос правомерности увольнения лица с государственной службы, суд обязан обоснованно указать, какие именно действия образуют состав порочащего поступка, выступающего основанием такого увольнения.

Период после завершения гражданином прохождения государственной службы не менее важен в аспекте реализации рассматриваемого конституционного принципа государственной службы. Так, Фрунзенским районным судом г. Иваново были рассмотрены иски о признании приказа незаконным, взыскании денежной суммы и компенсации морального вреда, заявленные гражданским служащим М. к Управлению Федеральной службы судебных приставов по Ивановской области²². Приказ о выплате единовременного денежного поощрения, изданный в ту же дату, что и приказ об увольнении истца с государственной гражданской службы, с которым он не был ознакомлен, истец посчитал не соответствующим действующему законодательству. Согласно одному из пунктов данного приказа, представителем нанимателя было принято решение не производить государственным гражданским служащим Управления, подлежащим увольнению, выплату единовременного поощрения в связи с тем, что его целевым назначением является стимулирование профессиональной деятельности, направленное на *дальнейшее* повышение эффективности выполнения функций, возложенных на Федеральную службу судебных приставов Российской Федерации. Суд в удовлетворении исковых требований отказал, указав, что порядок выплаты единовременного поощрения (премии) определяется представителем нанимателя с учетом обеспечения задач и функций государственного органа, исполнения гражданским

служащим должностного регламента. Таким образом, невыплата премии лицам, подлежащим увольнению, при условии принятых компетентным должностным лицом соответствующих решений не может рассматриваться как нарушение прав государственного гражданского служащего на получение денежного содержания. Вместе с тем денежная премия, являясь единовременной выплатой, не должна утрачивать свою поощрительную и стимулирующую функцию при определении представителем нанимателя порядка ее выплаты и не должна превращаться в автоматически начисляемую часть денежного содержания. Именно поэтому, с точки зрения суда, условием ее выплаты и явилось решение работодателя поощрить лиц, которые *продолжают* состоять на государственной службе.

Неотъемлемым элементом принципа единства системы государственной власти, разграничения предметов ведения между Российской Федерацией и ее субъектами является принцип единства правовых и организационных основ федеральной государственной гражданской службы и государственной гражданской службы субъектов РФ. Определяя компетенцию государства и его субъектов с учетом отнесения правового регулирования и организации федеральной государственной гражданской службы к предмету ведения Российской Федерацией, правового регулирования гражданской службы субъекта РФ – к совместному ведению Российской Федерации и ее субъектов, а ее организации – к предмету ведения субъектов РФ, федеральный законодатель обязан исключить возможность несоразмерного ограничения прав субъектов РФ в таких вопросах. В этой связи при разграничении компетенции государства и субъектов РФ в сфере регулирования государственной гражданской службы законодательные решения должны отвечать требованиям формальной определенности, точности и ясности юридических норм, не допускающих неоднозначности их толкования и произвольного характера применения. Конституционным Судом РФ ярко проиллюстрирована взаимосвязь принципов государственной службы в следующей правовой позиции: положение ч. 2 ст. 10 Закона о государственной гражданской службе, касающееся порядка формирования реестра соответствующих должностей, представляет собой выражение принципа единства правовых и организационных основ федеральной государственной гражданской

²² Решение Фрунзенского районного суда г. Иваново от 26 января 2016 г. по делу № 2-168/2016. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/BJoUAv8VQw14/>

службы Российской Федерации и ее субъектов, являясь обязательным элементом закрепленных в Основном законе принципов единства системы государственной власти и единства системы исполнительной власти, направлено на их реализацию, обеспечение удобства граждан при их обращении в органы государственной власти за защитой своих прав, свобод и законных интересов, а также *создание условий для равного их доступа к государственной гражданской службе*²³.

Правовое значение и юридическое содержание принципа внепартийности государственной службы, отделения религиозных объединений от государства базируется на конституционных принципах идеологического и политического многообразия, равенства общественных объединений перед законом, светского характера государства, запрета на установление какой-либо религии в качестве государственной или обязательной, равенства религиозных объединений перед законом, закрепленных в ст. 13 и 14 Основного закона. Ключевая идея – в необходимости разграничения политической, духовной и общественной составляющей жизни страны и осуществления государственно-властных полномочий. Аппарат органов государственной власти должен оставаться вне политики и религии, деятельности общественных объединений по причине нормативной правовой обязанности государственных служащих принимать меры по предотвращению и урегулированию конфликта интересов, который с большой вероятностью мог бы возникать при отсутствии рассматриваемого принципа в силу влияния на их убеждения приверженности к определенным политическим, религиозным, общественным идеям.

Конкретизацию положений этого принципа содержит ст. 10 Федерального закона от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ «О политических партиях»²⁴, нормы которой включают в себя двусторонний запрет на вмешательство в их деятельность, с одной стороны, органов государственной власти, органов публичной власти федеральных тер-

риторий²⁵, их должностных лиц, с другой – политических партий в деятельность друг друга. Вопросы, затрагивающие интересы политических партий, решаются указанными органами, органами местного самоуправления с их участием или по согласованию с ними. Прямое указание на внепартийность как принцип профессиональной деятельности государственных служащих содержат и подзаконные акты, например, распоряжение Председателя Совета Федерации Федерального Собрания РФ от 20 февраля 1997 г. № 57рп-СФ²⁶. Еще один важный аспект содержания данного установления заключается в запрете на использование лицами, замещающими государственные должности, государственным служащими своего должностного или служебного положения в интересах политической партии, в которой они состоят, а равно любой иной политической партии.

Нарушение такого запрета является основанием для привлечения лица к административной ответственности в соответствии со ст. 5.45 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ)²⁷ (использование преимуществ должностного или служебного положения в период избирательной кампании, кампании референдума). Закрытый, а следовательно не подлежащий расширительному толкованию перечень действий, образующих состав данного административного правонарушения, содержат несколько законодательных актов²⁸. В частности к таким правонаруше-

²³ О федеральной территории Сириус : федер. закон от 22 декабря 2020 г. № 437-ФЗ (в ред. от 31.07.2023 № 397-ФЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 52 (ч. I). Ст. 8583 ; 2023. № 32 (ч. I). Ст. 6129.

²⁶ Об утверждении Положения об Аппарате Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации : распоряжение Председателя Совета Федерации Федерального Собрания РФ от 20 февраля 1997 г. № 57рп-СФ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (документ опубликован не был).

²⁷ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : федер. закон от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (в ред. от 19.10.2023 № 505-ФЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 1 (ч. I). Ст. 1 ; 2023. № 43. Ст. 7604.

²⁸ См., например: Об основных гарантиях прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации : федер. закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ (в ред. от 14.11.2023 № 531-ФЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 24. Ст. 2253 ; 2023. № 47. Ст. 8308 ; О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации : федер.

²³ По делу о проверке конституционности положения части 2 статьи 10 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» в связи с запросом Законодательного Собрания Камчатского края : постановление Конституционного Суда РФ от 15 ноября 2012 г. № 26-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 48. Ст. 6744.

²⁴ Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 29. Ст. 2950 ; 2023. № 31 (ч. III). Ст. 5786.

ниям относятся привлечение лиц, находящихся в подчинении или иной служебной зависимости, государственных служащих к осуществлению в служебное время деятельности, способствующей выдвижению кандидатов, их списков и (или) их избранию, выдвижению и поддержке инициативы проведения референдума, получению того или иного ответа на его вопрос; сбор подписей избирателей, участников референдума, ведение предвыборной агитации, агитации по вопросам референдума государственными служащими в ходе служебных командировок, оплачиваемых за счет средств федерального бюджета либо бюджета субъекта РФ. Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 27 июня 2023 г. № 24²⁹ разъясняет, что использование преимуществ своего должностного или служебного положения находящимся на государственной службе кандидатом может выражаться в назначении лиц, осуществляющих профессиональную служебную деятельность в коллективе, руководителем которого он является, в качестве своих представителей для осуществления в служебное время деятельности, способствующей его выдвижению.

Еще один значимый вопрос, на который обращено внимание, – неблагоприятные последствия для правонарушителя за рамками административной ответственности, а именно: отказ в регистрации кандидата либо ее отмена, исключение лица из заверенного списка кандидатов. Основанием их применения может служить только неоднократное (не менее двух раз) совершение указанных в законодательстве действий, которые можно квалифицировать в качестве использования преимуществ должностного или служебного положения. Центральная избирательная комиссия предоставила дополнительное разъяснение³⁰, касающееся квалификации

закон от 12 февраля 2014 г. № 20-ФЗ (в ред. от 29.05.2023 № 184-ФЗ) // Рос. газета. 2014. № 45 ; 2023. № 120 ; Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации : федер. закон от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ (в ред. от 04.08.2023 № 485-ФЗ) // Рос. газета. 2021. № 294 ; 2023. № 177.

²⁹ О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судами административных дел о защите избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2023 г. № 24 // Рос. газета. 2023. № 149.

³⁰ О Рекомендациях по некоторым вопросам применения Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях избирательными комиссия-

состава административного правонарушения, предусмотренного ст. 5.45 КоАП РФ, указав на факультативный признак его объективной стороны – специальную цель его совершения, состоящую в выдвижении и (или) избрании кандидата, списка кандидатов, выдвижении и поддержке инициативы проведения референдума, получении того или иного ответа на вопрос референдума. Право возбуждения дела об административном правонарушении по ст. 5.45 КоАП РФ принадлежит исключительно прокурору.

В соответствии с Федеральным законом от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях»³¹ государственно-служебный принцип отделения религиозных объединений от государства конкретизируется положениями ст. 4 данного нормативного правового акта, содержащими запрет возложения государством на религиозные объединения обязанности выполнения функций органов государственной власти, иных государственных органов и учреждений; запрет вмешательства государства в деятельность таких объединений кроме случаев ее противоречия законодательству РФ. Деятельность органов государственной власти и их должностных лиц не сопровождается публичными религиозными обрядами и церемониями. Религиозные объединения не выполняют функции органов государственной власти, других государственных органов и учреждений; не участвуют в выборах, в деятельности политических партий, движений, не оказывают им материальную и иную помощь. Вместе с тем такие установления *не влекут ограничение прав участников таких объединений*, которые могут участвовать наравне с другими гражданами в управлении делами государства, выборах в органы государственной власти и в органы местного самоуправления, деятельности политических партий, движений и других общественных объединений.

Государственный служащий не может быть связан решениями политической партии либо религиозного объединения при исполнении своих служебных обязанностей. Должностным лицам органов государственной власти, других государственных органов, лицам, состоящим на воен-

ми : протокол заседания Центральной избирательной комиссии от 27 сентября 2006 г. № 187-4-4 (выписка). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (документ опубликован не был).

³¹ Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. № 39. Ст. 4465 ; 2023. № 45. Ст. 7997.

ной службе, запрещается использовать свое служебное положение в целях формирования того или иного отношения к определенной религии. Вместе с тем такой запрет, как и принцип внепартийности в целом, не влечет за собой для государственных служащих ввиду их профессионального статуса ограничения на членство в политических партиях, религиозных и общественных объединениях. Они вправе принимать участие в их деятельности в личном качестве без использования своего должностного и (или) служебного положения. В соответствии с принципом равного доступа к государственной службе сбор и внесение в личные дела и реестры государственных служащих сведений об их политической и религиозной принадлежности не допускается.

Принцип единства системы публичной власти, закрепленный в Конституции РФ сравнительно недавно (с принятием масштабных изменений в 2020 г.), с нашей точки зрения, также должен рассматриваться в качестве принципа службы, не только государственной, но и муниципальной. Существующий принцип взаимосвязи государственной и муниципальной службы тесно коррелирует с ним и во многом уточняет данное установление. Гарантией его реализации выступает норма, закрепленная в ст. 5 Федерального закона от 2 марта 2007 г. № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации»³². В ней законодатель конкретизирует эту взаимосвязь путем закрепления единства основных квалификационных требований для замещения должностей, ограничений и обязательств при прохождении службы; унификации требований к подготовке кадров для муниципальной и гражданской службы и дополнительному образованию служащих; взаимного учета стажа государственной гражданской и муниципальной службы; равных условий оплаты труда и социальных гарантий для гражданских и муниципальных служащих. В постановлении Конституционного Суда РФ от 13 февраля 2020 г. № 8-П³³ относительно применения такого принципа выделены на следующие обстоятельства.

³² Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. № 10. Ст. 1152 ; 2023. № 29. Ст. 5304.

³³ По делу о проверке конституционности пунктов 1 и 2 статьи 5 Федерального закона «О муниципальной службе в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданки Н. Г. Малышевой : постановление Конституционного Суда РФ от 13 февраля 2020 г. № 8-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 8. Ст. 1118.

Единство публичной природы государственной и муниципальной службы предполагает их взаимосвязь, которая, учитывая объективную схожесть условий и порядка прохождения данных видов публичной службы, обеспечивается в том числе посредством единства ограничений и обязательств, налагаемых на государственных гражданских и муниципальных служащих. Таким образом, данное единство является одним из принципов построения институтов государственной гражданской и муниципальной службы, выступающего основой для синхронизации правового регулирования отношений, связанных с определением правового положения лиц, проходящих службу соответствующего вида. Вместе с тем в соответствии с положениями гл. 8 Конституции РФ государство, признавая и гарантируя местное самоуправление, предоставляет ему самостоятельность в решении вопросов местного значения. В этой связи муниципальную службу надлежит рассматривать как особый, самостоятельный вид публичной службы. Высший орган конституционного контроля указал, что взаимосвязь институтов государственной гражданской и муниципальной службы, их единая публичная природа не исключают дифференциации юридического регулирования вопросов их прохождения и статуса служащего, элементами которого в числе прочих являются определенные ограничения и обязанности.

Концепция единой системы публичной власти, нашедшая свое отражение в Конституции РФ, базируется на идее *функционального* единства и организационного взаимодействия органов государственной власти и органов местного самоуправления с целью наиболее эффективно решения общих задач, непосредственно связанных с решением вопросов местного значения, в интересах населения муниципальных образований. Вместе с тем такое взаимодействие не означает включение органов местного самоуправления в систему органов государственной власти и не лишает их конституционно установленной самостоятельности. Конституционный Суд РФ особо подчеркнул производность категории «единая система публичной власти» от основополагающих понятий «государство» и «государственность», сущность которых заключается в объединении многонационального русского народа. «Общая суверенная власть данного политического союза, – указывает высший ор-

ган конституционного контроля, – распространяется на всю территорию страны и функционирует как единое системное целое в конкретных организационных формах, определенных Конституцией Российской Федерации. Иное, в частности, влекло бы нарушение государственного единства Российской Федерации и означало бы неприменимость к местному самоуправлению базовых конституционно-правовых характеристик Российского государства... что является конституционно-правовым нонсенсом»³⁴.

Качественное совершенствование принципиальной основы государственной службы должно стать одним из ключевых векторов улучшения ее правовой модели. Модернизацию системы принципов государственной службы необходимо осуществлять на основе баланса конституционно защищаемых ценностей, укрепления суверенитета и основ российской государственности. Такие принципы необходимо закрепить в отдельной главе Конституции РФ, которая должна быть посвящена государственной службе. Регулирование ее принципов на высшем уровне российского законодательства позволит произвести модернизацию самой нормативной правовой «материи» государственной службы, деятельно улучшить характеристики ее юридической модели, укрепить взаимодействие государства, государственных служащих и граждан в важном деле защиты их прав, свобод и законных интересов, а также прав, свобод и законных интересов самих служащих, повысив престиж государственной службы как перспективной траектории профессионального пути в глазах нового поколения.

Библиографический список

Демичев А. А. Позитивистская классификация принципов современного российского права // Государство и право. 2014. № 5. С. 5–13.

Коновалов А. В. Принципы права в доктринах и законодательстве континентальной правовой се-

³⁴ О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации : заключение Конституционного Суда РФ от 16 марта 2020 г. № 1-3 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 12. Ст. 1855.

мьи // Журнал российского права. 2018. № 8. С. 14–24.

Новицкий И. Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права // Вестник гражданского права. 1916. № 6. С. 56–90.

Привалова С. В. Концепции и принципы государственной службы новой России // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4: Государство и право : реферативный журнал. 2000. № 1. С. 80–91.

Поляков М. П. Принцип как мировоззренческая идея относительно сущего и должного : новый подход к постижению концептуальной сущности понятия принципов отечественного уголовного процесса // Юридическая техника. 2020. № 14. С. 493–496.

Регельсбергер Ф. Общее учение о праве / пер. И. А. Базанова ; под ред. Ю. С. Гамбарова. М. : Типография товарищества И. Д. Сытина, 1897. 296 с.

Старилов Ю. Н. Административные процедуры – неотъемлемая часть законодательства о государственном и муниципальном управлении : проблемы теории, практики и законотворчества // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Право. 2019. № 4. С. 8–27.

Старилов Ю. Н. Консерватизм правовой политики как гарантия прогресса в сфере административных и иных публичных правоотношений // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Право. 2023. № 1. С. 7–32.

Старилов Ю. Н. Принципы государственной службы : переход от «политизирования» к закону // Правовая наука и реформа юридического образования : сб. науч. трудов. Вып. 4: Право и политика : современные проблемы соотношения и развития. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1996. С. 78–113.

Старилов Ю. Н. Службное право России : уже реальность или пока научная гипотеза? // Правовая наука и реформа юридического образования. 2013. № 3 (26). С. 99–116.

Шершеневич Г. Ф. О чувстве законности : публичная лекция, читанная 10 марта 1897 г. / введ. замеч. Ю. Н. Старилова. Воронеж : Изд. дом ВГУ, 2018. 36 с.

Шкатулла В. И., Маркин Н. С., Надвикова В. В. Комментарий к Федеральному закону от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» : постатейный / под ред. В. И. Шкатуллы. 5-е изд., перераб. и доп. М. : Юстицинформ, 2023. 792 с.

References

Demichev A. A. Positivist classification of the principles of modern Russian law // State and Law. 2014. No. 5. P. 5–13.

Konovalov A. V. Principles of law in the doctrines and legislation of the continental legal family // *Journal of Russian Law*. 2018. No. 8. P. 14–24.

Novitskii I. B. The principle of good conscience in the draft law of obligations // *Bulletin of Civil Law*. 1916. No. 6. P. 56–90.

Privalova S. V. Concepts and principles of public service in the new Russia // *Social and Human Sciences. Domestic and Foreign Literature. Series 4: State and Law : abstract journal*. 2000. No. 1. P. 80–91.

Polyakov M. P. The principle as a worldview idea regarding what is and what should be : a new approach to understanding the conceptual essence of the concept of principles of domestic criminal procedure // *Legal Technology*. 2020. No. 14. P. 493–496.

Regel'sberger F. General doctrine of law / transl. by I. A. Bazanov; (ed.) Yu. S. Gambarov. Moscow : Printing House of the Partnership I. D. Sytin, 1897. 296 p.

Starilov Yu. N. Administrative procedures are the integral part of the legislation on state and municipal government : problems of theory, practice and law-making // *Proceedings of Voronezh State University. Series: Law*. 2019. No. 4. P. 8–27.

Starilov Yu. N. Conservatism of legal policy as the guarantee of progress in the field of administrative and other public legal relations // *Proceedings of Voronezh State University. Series: Law*. 2023. No. 1. P. 7–32.

Starilov Yu. N. Principles of public service : the transition from «politicization» to law // *Legal Science and Reform of Legal Education : collection of scientific works. Vol. 4: Law and politics : modern problems of correlation and development*. Voronezh : Voronezh University Publishing House, 1996. P. 78–113.

Starilov Yu. N. Russian public service law : already the reality or still a scientific hypothesis // *Legal Science and Reform of Legal Education : collection of scientific works*. 2013. No. 3 (26). P. 99–116.

Shershenevich G. F. On the sense of legality : public lecture, given on March 10, 1897 / introductory remarks by Yu. N. Starilov. Voronezh : Publishing House of Voronezh State University, 2018. 36 p.

Shkatulla V. I., Markin N. S., Nadvikova V. V. Commentary on the Federal Law of July 27, 2004 № 79-FZ «About the State Civil Service of the Russian Federation» : article-by-article ; V. I. Shkatulla (ed.). 5th ed., revised and supplemented. Moscow : Justitsinform. 2023. 792 p.

Воронежский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации

Титова Е. А., кандидат юридических наук, преподаватель кафедры административного права
E-mail: titova_ea@rambler.ru

Поступила в редакцию: 07.12.2023

Для цитирования:

Титова Е. А. Особенности современной правовой природы конституционных принципов государственной службы // *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право*. 2024. № 1 (56). С. 150–162. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2024/1/150-162>.

Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Titova E. A., Candidate of Legal Sciences, Lecturer of Administrative Law Department
E-mail: titova_ea@rambler.ru

Received: 07.12.2023

For citation:

Titova E. A. Features of the modern legal nature of the constitutional principles of public service // *Proceedings of Voronezh State University. Series: Law*. 2024. № 1 (56). P. 150–162. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2024/1/150-162>.